

СЕВЕРЯНИН

Перхина); A history of Russian literature. Comprising a history of Russian literature and contemporary Russian literature, 1881–1925. N. Y., 1949 (рус. пер. — Лондон, 1992; Новосиб, 2006); Uncollected writings on Russian literature. Berkeley, 1989 (подг. изд. Дж. С. Смита).

Лит.: Гиппиус В. В. Проблема Пушкина (По поводу ст. Д. Мирского...). — «Временник Пушкин. комиссии», т. 1, М., 1913, 1936; Мунблит Г., Рассказы о писателях, М., 1976, с. 34–38; Краснов-Левитин А., Ликие годы. 1925–1941, Париж, 1977, с. 317–18; Эйсер А., Перечитывая сегодня. — ВЛ, 1980, № 5; Бахрах А., Самообъединенный князь. — «Новое рус. слово», 1982, 31 окт.; Авдеско А., Отлучение. — «Знамя», 1989, № 3, с. 18; Конквист Р., Большой террор. — «Нева», 1990, № 6, с. 157–58; Кудрова И., Версты, дали..., М., 1991, с. 121–29, 144–48, 226; Бирюков А., Последний рюрик. Магадан, 1991; Чуковский К., Дневник. 1901–1929, М., 1991, с. 455; Лосская В., М. Цветаева в жизни, М., 1992 (ук.); Лавров В. А., «Духовный озорник». (К портрету С. М. критика и историка лит-ры). — РЛ, 1994, № 4; Казнина О. А., Русские в Англии. Рус. эмиграция в контексте рус.-англ. лит. связей в первой пол. XX в., М., 1997, с. 119–58, 189–94, 244–45, 344–53 и др.; Перхин В. В., Рус. лит. критика 1930-х гг., СПб., 1997, с. 205–28 и по ук.; Иванов-Разумник Р., Писательские судьбы, М., 2000, с. 22; ЛН, т. 9–10; т. 90 (ук.); Lavroukine N., Tchertkov L., D. S. Mirsky. Profil critique et bibliographique, P., 1980; Lavroukine N., Maurice Baring and D. S. Mirsky. A literary relationship. — «Slavonic and East European review», v. 62, L., 1984; Smith G. S., D. S. Mirsky. A Russian—English life, 1890–1939. Oxford, 2000. • Шидлов Д. Н., Гос. деятели Рос. империи. Главы высших и центр. учреждений. 1802–1917. Биобибл. справочник, СПб., 2001; КЛЭ (ст. «Мирский Д. П.»); Рус. зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX в. Энцикл. биогр. словарь, М., 1997; ЛЭ рус. зарубежья, [т. 1].

Архивы: РГАЛИ, ф. 1190, оп. 1, № 29 [обзор С.-М. ж.-лов «Совр. записки» (1920–1925) и «Воля России» (1922–26)]; ф. 982, оп. 1, № 456 (письма С.-М. к А. А. Евреиновой); ф. 1348, оп. 7, № 64 (письма к В. М. Жирмунскому); РГВИА, ф. 400, оп. 11, д. 475 (аттестация за 1913); ф. 2590, оп. 1, д. 330 (вслух по старшинству), д. 331, л. 64 (вслух о прибыли и убил офицер. состава 4-го л.-гв. стрелкового полка за 1916) [справка Н. Ю. Муравейниковой]; ЦИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 52715 (ун.-теское д.).

О. А. Казнина.

СЕВАСТЬЯНОВ Александр Николаевич [1(13).7.1870, с. Семеновское-Отрада Серпухов. у. Моск. губ. — 3.5.1919, там же], писатель-самоучка. Из крестьян (бывших крепостных графов Орловых-Давыдовых). Отец служил приказчиком в Москве. С. учился в Семеновском нар. уч-ще. В 12 лет, после смерти отца, поступил на его место к купцу. По одной из автобиографий, 10 лет прослужил на фабрике, по другой — до 1896 служил писцом и конторщиком на подмоск. фабриках и заводах.

Первая публ. — рассказ «Святая ночь» («Родина», 1887, № 12). Печатались в ж-лах «Досуг и дело» (1901–14), «Нар. читальня» (1904, 1907, 1911, 1912), «Незабудка» (1914–17) и др. Занявшись лит-рой, жаловался на крайнюю нужду: приходилось содержать большую семью (6 детей и чахоточную жену) на случайные заработки и пособие Лит. фонда.

По восп. современника, С. был «кроткий, болезненный человек ... вечно перебивался, вечно нуждался; но крепко любил литературу и до последних дней оставался ей верным» [Белюсов (2), с. 116]. Входил в Моск. товарищеский кружок писателей-самоучек во главе с М. Л. Леоновым (с 1903 — Суриковский лит.-муз. кружок).

Темы рассказов С. часто продиктованы утратой людьми человеком облика, «осатанелостью» — убийства, разбой, ненависть, семейные разлады и раздоры, безразличие, приводящее порой к чьей-то гибели, внезапная нелепая кончина («Учет старости» — «Всерос. вест. трезвости», 1912, № 2). И в ист. ром. (большая форма редко встречается у самоучек) «Черная смерть» («Досуг и дело», 1911, № 6–7), лишь формально привязанном к эпохе кон. 18 в., главное — «страсти роковые», к-рые усугубляются эпидемией чумы, «гниючки», но только сократившей население Москвы (где происходят события) в неск. раз, но и ставшей орудием мести на почве ревности. Постепенное нравств. падение деревен. юноши, приехавшего в город на заработки, в основе криминального ром. «Любовь и деньги» («Романы оригинальные и переводные», 1895, № 11, 12). Выход из кризиса нравственности С. видит в следовании вековым идеалам верности, самопожертвования, трудолюбия («В грамоту» — «Нар. читальня», 1907, № 9; «Ариша-солдатка» — «Досуг и дело», 1911, № 4).

Стихи С. писал с детства, с 90-х гг. печатал их в периодике (ж. «Нов. слово», газ. «Курьер» и др.), в альманахах и сб-ках («Родная нива», М., 1893; «Молодые всходы», в. 1, М., 1903; «Пробуждение», кн. 2, В., 1913; и др.). Стихи — искренние и мелодичные, в осн. лирические, с использованием ритмики и образов А. В. Кольцова, И. С. Никитина, Н. А. Некрасова, И. З. Сурикова.

В 1895 С. обращался к Л. Н. Толстому с просьбой помочь в публ. рассказа (РГАЛИ, ф. 508, оп. 2, № 80). В изд-ве «Посредник» напечатаны рассказы «Бродяга. Урод» (М., 1904).

Имел эпизодич. знакомство с А. П. Чеховым (см.: Яцимирский А. И., Рус. писатели в роли руководителей поэтов из народа. — ЛПН, 1903, № 9).

В нач. 1918 вернулся в родное село и вскоре умер.

Изд.: рассказ «Николимушка» — «Купель», 1997, № 2.

Лит.: Альм. и сб-ки (1, 2); Лит. жизнь 1920-х гг.

Архивы: РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, № 910 (письма И. А. Белюсову); ф. 341, оп. 1, № 263–65 (М. Л. Леонов «Рус. писатели из народа»); Назаров: РГБ, ф. 683, к. 4, № 3 (Н. П. Рогожин «Мат-лы к биогр. словарю рус. писателей, вышедших из трудовой среды»); ИРЛИ, ф. 155; ф. 193, № 343 (автобиогр. (1900)), № 341 (письма А. И. Яцимирскому, 1901–02) [справка И. В. Кошиско]; РНБ, ф. 874, оп. 1, № 107 (письма С. Н. Шубинскому, 1906, с краткой автобиогр.) [справка П. С. Горькина].

В. М. Бокова, М. В. Червако.

СЕВЕРЯНИН Игорь [наст. имя и фам. Игорь Васильевич Лотарёв; 4(16).5.1887, Петербург — 20.12.1941, Таллин; похоронен на Александро-Невском кладб.], поэт, переводчик, мемуарист. Отец, Вас. Петр. (1860–1904), — выходец из владимир. мещан, воен. инженер, дослужившийся до

штабс-капитана; мать, Нат. Степ. (1846–1921; урожд. Шеншина, в первом браке — жена ген.-лейтенанта Г. И. Домонтовича), — дочь предводителя дворянства Щигров. у. Курской губ., отдаленными родств. узами связанная с Н. М. Карамзиным, А. А. Фетом, Е. Л. Марковым, а через Домонтовичей также с А. М. Коллонтай и оперной певицей Е. К. Мравинной (Мравинской).

До 9 лет С. жил в Петербурге. После размолвки родителей переехал с вышедшим в отставку отцом в принаследжавшую ядле, М. П. Лотарёву, усадьбу Сойвола Череповецкого у. Новгород. губ., на берегу реки Суды, часто упоминаемой в стихах С. В Череповце закончил четыре класса реального уч-ща (1898–1903); с благодушно вспоминал «доброе, веселого, остроумного» директора кн. Б. А. Тенишева («Автобиогр. справка» — в кн.: Критика о творчестве С., М., 1916, с. [5]), на квартире к-рого первоначально жил. Весной 1903 вместе с занявшимся коммерцией отцом

отправился на Д. Восток. В стихотв. ром. «Роса оранжевого часа» (Юрьев, 1925) описал картины детства и отрочества, путешественские через всю Россию и жизнь в порту Дальнем. С кон. дек. 1903 жил в Петербурге и Гатчине, где его мать снимала дачу.

Свое первое стих. «Звезда и дева» (1896) С. собирался «как курьез» включить в подготовленный им, но не изданный при жизни том дет. и юнош. стихов «Ручьи в лилиях» (опубл. В. А. Кошелевым — РЛ, 1990, № 1). В печати впервые выступил в 1904 со стих. «К предстоящему выходу Порт-Артурской эскадры» (СПб.; подписи Игорь Лотарев; ц. р. 15 сент. 1904), но своим лит. дебютом считал публ. стих. «Гибель „Юрика“» в солдат. ж-ле «Досуг и дело» (1905, № 2; отд. изд. — СПб., 1904; ц. р. 12 окт. 1904). На средства дяди в 1904–05 выпустил еще пять брошюр, отразивших его патриотич. настроения во время рус.-япон. войны (все брошюры С. 1904–12 переизданы в его кн.: Громокипящий кубок. Ананасы в шампанском. Соловей. Классические розы. М., 2004).

В 1905–07 часто посещал оперу, консерваторию. «Благодаря оперной музыке, — писал он позже, — ... мое творчество стало развиваться на двух осн. принципах: классич. банальность и мелодич. музыкальность» («Образцовые основы» — Соч., т. 5, с. 83). Увлечение музыкой и поэзией всемерно поощряла его сестра З. Г. Домонтович (1875–1907), дочь матери от первого брака. Стихи этого времени, изредка появлявшиеся под псевд. Игла, граф Евграф Д'Аксанграф в мелк. газ. и ж-лах «Колокольчики», «Газетчик», «Сиб. отголоски», «За жизнь — жизнь» (Бобров Воронеж. губ.), во многом подражательны, б. ч. редакции отказывались от их публикации.

В 1906–08 переживал роман со швейей Евг. Тим. Гуцан (позднее в замужестве — Меннеке; 1886–1951), в 1908 у них родилась дочь Тамара. Этой любви посв. небольшая поэма «Злата (Из дневника одного поэта)» (СПб., 1908), памятью о «неповторимой во веки Злате» отмечены мн. стихи С. разных лет («Ты ко мне не вернешься», [1910]; и др.). В 1922 С. встречался с ней и дочерью в Берлине, позже она приезжала к нему в Эстонию.

Первым поэтом, поддержавшим С., был К. М. Фофанов. Знакомство с ним состоялось в Гатчине 20 нояб. 1907 — навсегда

памятный для С. день. Фофанов свел его с редакторами (в т. ч. с А. А. Измайловым, во многом определявшим лит. политику газ. «Бирж. вед.») и издателями, посылал «чудному новоявленному поэту» около 20 стих., часто печатавшихся как эпиграфы к книгам С. Своим учителем и кумиром С. называл также М. А. Лохвицкую, в чьих стихах, как и в стихах Фофанова, его привлекали мелодичность, демонстративная поэтичность и пылкость чувств, нередко связанная с открытым эротизмом.

С именем Лохвицкой связан созданный С. образ волшебной страны Миррзали. Бальбис Салевкой. «На пути к Востоку», С. называл в стихах и переписке свою жанд. жену (в 1915–21) актрису Марию Вас. Домбровскую (Вольнянскую; 1895–?), выступавшую под этим «парским» псевд. на его «позовечерах» (афиши — РГАЛИ, оп. 2, № 29).

С нач. 1908 подписывался псевд. Игорь-Северянин, надолго сохранив его именно в таком написании, через дефис. Своим брошюрам этого периода давал нарочито претенциозные, «шикарные» названия — «Интуитивные краски» (СПб., 1909; рец.: БВед. 1910, 13 марта, утр. в.), «Колье принцессы» (СПб., 1910; рец.: Лавры Кузмина-первого — БВед. 1910, 7 июля, веч. в.), «Электрические стихи» (СПб., 1911; рец.: И. В. Игнатьев — «Нижегородец», 1911, 1 дек.; В. Я. Брюсов — РМ, 1911, № 7) и др.

В газетах и ж-лах С. печатали по-прежнему редко и неохотно («Весна», 1908; «Нижегородец», 1911–12). Характерен отзыв в «Ниве»: «Прозив. некоего Игоря-Северянина, упорно посылающего свои „стихи“ в редакцию нашего ж-ла „для отзыва“, заслуживают наконец того, чтобы мы отметили их. Это какое-то типичное для нашего разухабистого времени лит. озорство и шарлатанство... В них чувствуется одно неугаемое желание — удивить мир несложностью смысла, содержания, формы... Отказываемся принимать» (ЛПН, 1911, № 8, с. 617).

Всерос. известность С. приобрел в 1910, когда Л. Н. Толстой, выслушав его стих. «Хабанера», уничтожающе отозвался о строках: «Вонзите штопор в упругость пробки / И взоры женщин не будут робки». Этот отзыв попал в газеты (Наживин И., В Ясной Поляне. — УР, 1910, 27 янв.); как писал сам поэт, «с тех пор каждая моя новая брошюра тщательно комментировалась критикой на все лады, и с легкой руки Толстого, хвалившего жалкого Ратгауза в эпоху Фофанова, меня стали бранить все, кому не было лень» (Соч., т. 5, с. 85).

В мае 1910, анонсируя в очередной брошюре «Колье принцессы» тетрадку стихов «Сады футуриста», С. впервые применил это слово к себе. После

смерти Фофанова (май 1911) особенно сблизился с его сыном К. К. Олимповым, начинающими поэтами Б. Д. Богомоловым, Грааль-Арельским, И. В. Игнатьевым (подробнее см.: Богомолов Н. А., Рус. лит.-ра первой трети XX в., Томск, 1999, с. 412–19). В окт. 1911 выпустил состоящую из четырех стих. брошюру «Пролог „Эго-футуризм“». Поэза-грандиоз. Апофеозная тетрадь 3-го тома» (СПб.), в к-рой горделиво заявлял: «Я прогремел на всю Россию, / Как оскандаленный герой!..» Вкупе с рец. Игнатьева («Нижегородец», 1911, 17 окт.; подписи Ивей) и его же статьей «Игорь-Северянин» (там же, 1 дек.) она ознаменовала создание нового лит. направления.

В янв. 1912 была отпечатана листовка с манифестом эгофутуристов «Скрижали» (подписана С., Олимповым, Грааль-Арельским и Г. В. Ивановым), весной вышли поэтич. брошюры С. «Качалка грэзтки... Сады футуриста. Кн. 1» (СПб.; рец.: И. Игнатьев — «Петербург. глашатай», 1912, № 2; П. П. Ерцов) — «Голос Москвы», 1912, 24 марта) и «Очам твоей души... Сады футуриста. Кн. 2» (СПб.; рец.: А. И. (А. А. Измайлов?). Рецидивисты декадентства. — РСЛ, 1912, 9 мая), помеченные маркой изд-ва «Его»; в них были, хотя и неотчетливо, сформулированы осн. принципы нового направления.

В 1930 в интервью одной из белград. газет С., вспоминая о «создании эгофутуризма», подчеркнул, что его «главной целью было утверждение своего „Я“ и будущего. А главной доктриной была „Душа-истина“» (цит. по: Гидон А., Игорь Северянин... и другие. К творч. характеристике. — В кн.: День поэзии Севера. Петроводск, 1968, с. 161); ср. неск. более подробное изложение: «Лозунгами моего эгофутуризма были: 1. Душа — единственная истина. 2. Самоутверждение личности. 3. Поиски нового без отвергания старого. 4. Осмысленные неологизмы. 5. Смелые афоризмы, эпитеты, асонансы и диссонансы. 6. Борьба со „стереотипами“ и „заставками“. 7. Разнообразие метров» (Соч., т. 5, с. 36).

Однако очень скоро между С. и др. участниками группы возникли разногласия. Не позже мая 1912 от группы отошли Грааль-Арельский и Иванов, С. и Игнатьев поссорились с Олимповым. В изданной в Петербурге в сент. 1912 листовке-манифесте «Интуитивная школа „Всеобщее осознание жизни и искусства“ ... Доктрины» С. подчеркивал свой приоритет в создании лит. школы; Олимпов ответил обвинением в плагиате. В нояб. С. выпустил брошюру «Эпилог „эгофутуризм“» (СПб.), начинавшуюся словами «Я, гений Игорь-Северянин...», и тогда же в открытом письме («Гиперборей», 1912,

№ 2) объявил об окончательном разрыве с кружком «Его» и редакцией газ. «Петерб. глашатай»: «...находя миссию моего Эго-Футуризма выполненной, я желаю быть одиноком, считаю себя только поэтом и этому я солнечно рад» (цит. по: Поэзия русского футуризма, СПб., 1999, с. 331).

З. Н. Гиппиус с иронией писала о кружке эгофутуристов («О „я“ и „что-то“» — «Нов. жизнь», 1913, № 2; подпись Антон Крайний): «Знаменательная их беспомощная, глупская, но инстинктивно верная „программа“: „стихи единого талантливую эгофутуриста — чистейшее „описталство“, несмотря на все самозаявления, только описталство, „его“ в них не нечуждо; тем трогательнее верный инстинкт, влекущий в верную сторону, трогательно и свято покушение на личность, — пусть с негодными средствами» (цит. по: Критика о творчестве С., с. 61).

Отныне история эгофутуризма продолжалась без участия С. (подробнее см.: Марков В., К истории рус. эго-футуризма. — В кн.: Orbis scriptus, Münch., 1966, с. 505–511; с. же. История рус. футуризма, СПб., 2000, с. 58–87; Крусанов А., Рус. авангард, т. 1, СПб., 1996, с. 63–70, 111–117), однако в сознании современников он продолжал ассоциироваться с этим направлением, равно как и более радикальные продолжатели эгофутуризма (в т. ч. В. Гнедов) питались славой С.

Уже в этот период сформировались основные черты поэтики С.: В. Я. Брюсов отметил его стремление «обновить поэтич. язык» за счет «бульварного арго», «отважных неологизмов» и «смелых метафор», хотя б. ч. «это выходит у него не совсем удачно, а подчас и смешно» (РМ, 1911, № 7, с. 24); год спустя он уже считал С. «настоящим поэтом, поэзия к-рого приобретает все более и более законченные и строгие очертания», хотя у него «немало неудачных новшеств, дающих благодарные темы для газетных пародий» (РМ, 1912, № 7, с. 21).

В дек. 1912 Брюсов организовал вечер С. в Моск. Об-ве свободной эстетики. В условиях, когда С. являлся излюбл. мишенью для критиков и карикатуристов, это было первым публичным признанием (см. отчет В. Ф. Ходасевича, приветствовавшего в С. «не пророка, не основателя новой школы, а просто талантливого, во многом самостоятельного поэта» — «Рус. молва», 1912, 25 дек.). Дружескую связь с Брюсовым подкрепил обмен приветств. стихами, письмами, книгами (см. письма С. к Брюсову 1911–1923 в кн.: Северянин И. И., Царственный паец...), Однако после отрыва отзыва Брюсова (РМ, 1914, № 6) на сб. «Царственный паец...»). Однако после отрыва отзыва Брюсова (РМ, 1914, № 6) на сб. «Царственный паец...» отношения резко изменились — см. послезижение восп. С. «Встречи с Брюсовым» (Соч., т. 5, с. 29–35).

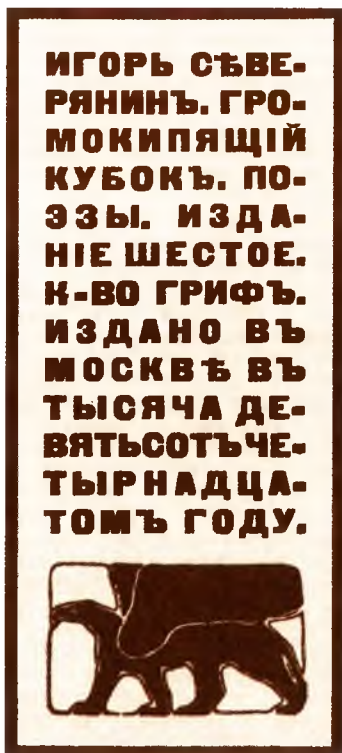
Порвав с группой эгофутуристов, С. продолжил поиски своего лит. круга. После неудавшихся контактов с Н. С. Гумилевым и Цехом поэтов он сблизился с Ф. Сологубом (подробнее см. в мемуарах С. «Салон Сологуба», «Сологуб в Эстляндии», «Умер в декабре» — Соч., т. 5) и совершил с ним первое турне по городам России. Сологуб, Ан. Н. Че-

ботаревская и С. начали выступления в Минске, а закончили в Закавказье (Тифлис, Кутаис, Батум; в последнем С. не выступал). Дружба их была продолжительной: еще в 1917 Сологуб приглашал С. принять участие в поэтич. вечерах (см. его письма к С. — РГАЛИ, оп. 1, № 32).

О выступлениях в Кутнесе П. Яшвили писал в газ. «Колхида» (1912, № 30): «Общественность встретила молодого поэта С. — лучшего представителя утвердившегося в России футуризма — с большим вниманием. Его стихотворения, а особенно чтение нараспев привели слушателей в восторг» (цит. по ст. Л. Авалиани — «Лит. Грузия», 1981, № 3, с. 197). Вскоре стих С. «Весенний день» было опубл. на груз. яз. в пер. Яшвили («Окрос вердзи», 1912, № 11).

Решающим событием в лит. судьбе С. стал выход сб-ка «Громокипящий кубок» (М., 1913; всего в 1913–15 — 7 изд. в символист. изд-ве «Гриф» и 3 изд. в 1916–18), объединившего стихи 1909–12. В предисл. Сологуб писал: «Люблю стихи Игоря Северянина ... за их легкое, улыбочивое, вдохновенное происхождение». Доминирующий в сб-ке образ сирени (разделы «Сирень моей весны», «Мороженое из сирени») многозначен: он не только является символом обновления, торжествующей весны, «сладострастья эмблемой», но и передает ощущение трагизма совр.

Обложка книги И. Северянина «Громокипящий кубок».

бытия, враждебного природным, естеств. началам.

В то же время в стихах С. присутствует немало примет нового технич. века; автомобили, аэропланы превращаются фантазией автора в реквизиты праздничной игры — «моторные димузины», «комфортабельные летуны», «ворчащие папеллером дирижабли». Для худож. манеры С. характерно сознат. стремление к стереотипам массовой культуры с ее красотами, не противоречащее условно-поэтич. образности. Вместе с тем в книге нередко чувствуется «лирич. ирония», близкая к самоиронии, при этом зачастую трудно провести границу между иронией и искренним пафосом — в созданном поэтом ориг. типе трагич. клоунады лицо и маски, по существу, неразличимы («За струнной изгородью лиры / Рыдает царственный паец!»).

В стихах «Громокипящего кубка» С. вновь настойчиво декларирует пресмыкательную связь с поэтич. миром Лохвицкой: ему близки культ красоты как внеморальной ценности, декадент. стирание границы между Добром и Злом («Я славлю восторжен Христа и Антихриста» — «Шампанский полонез»). В этом и в особой музыкальности стиха С. выступает также продолжателем балмонтоской традиции. При всем пристрастии к зап.-европ. певецост. и «величественному антуражу («принцессы», «короли», «пажи», «кокетки») в ряде стих. отчетливо звучат рус. мотивы (деревен. картинки с плясками под тальянку, лением «горлана-летуха») С. в равной мере считает себя певцом «площади» и «хутора» — просторечно-площадная и изысканно-манерная языковые стихи сплавлены у него единой напевной интонацией. В разделе «Эгофутуризм» С. творит миф об идеальном Поэте-Гении, влюбленном «в свой стих державный», готовом, утверждая небывалую избранность, даже плюнуть в лицо «по забывшемуся Солнцу».

Сб-к вызвал множество газетно-журн. откликов, как критич., так и пародийных. Гумилев, незадолго до того резко критически оценивший «Хабанеру II» и причисливший С. к «лит. самозванцам» («Аполлон», 1910, № 6, с. 41), годом позже уже оговаривавшийся, что стих С. «свободен и крылат», и отмечавший в поэте «острую фантазию, привычку к иронии и какую-то холодную интимность» (там же, 1911, № 5, с. 76). В «Громокипящем кубке» услышал «юношески-звонкий и могучий голос настоящего поэта, на волнах людей газеты говорившего доселе неведомые „основы“ их странного бытия», и настаивал «на праве поэта быть искренним до вульгарности» (там же, 1914, № 1/2, с. 123). Иванов-Разумник писал, что С. «подлинный лирич. поэт, чувствует по-своему, и в видит по-своему, и по-своему же выражает то, что видит и чувствует. В этом „по-своему“ он иногда слишком смел» («Занеты», 1913, № 3, с. 219). С. ценил А. А. Блок, записавший в дневнике 25 марта 1913: «Это — настоящий, свежий, детский талант» (VII, 232). О. Э. Мандельштам, отметив «чувствительные неологизмы», нечувствительность к закону рус. языка в стихах С., часто видящего «красоту в образе „галантерейности“», признавал, что «легкая восторженность и сухая жизнерадостность делают С. поэтом. Стих его отличается сильной мускулатурой кузнечика. Безнадёжно перепутав все культуры, поэт умеет иногда дать очаровательную форму хаосу, парниему в его представлении» («Гиперборей», 1913, № 6, с. 28; подпись О. М.). Сходную оценку С. дал в «Охранной грамоте» Б. Л. Пастернак, испытывавший его влия-

СЕВЕРЯНИН

ние в начале творч. пути: «...лирик, изливавшийся непосредственно строфически готовыми, как у Лермонтова, формами и, при всей нерышарливой пошлости, поражавший именно этим редким устройством своего открытого, разомкнутого дара» (Пастернак Б. Л., Соч., т. 4, М., 1991, с. 223). Др. отзывы см. в сб-ке «Критика о творчестве С.» и в его кн. «Царственный паяц»; см. также: Полянин А. (С. Я. Парнок). Отмеченные имена. — СевЗ, 1913, № 4, с. 114–15. Пародии на творчество С. собраны (далеко не полностью): Рус. стихотв. пародия (XVIII — нач. XX вв.), Л., 1960, с. 671–72; Тяпков С. Н., Рус. акменсти и футуристы в лит. пародиях современников, Иваново, 1984, с. 47–53.

Кон. 1913 и нач. 1914 отмечены кратковрем. контактами С. с кубофутуристами. В декларации, подписанной Д. Д. Бурлюком, В. В. Маяковским, В. Хлебниковым и С., говорилось: «Мы отбросили наши случайные клички эго и кубо и объединились в единую лит. компанию футуристов» (алм. «Рыкающий Парнас», П., 1914 [на обложке — 1915]). Планируя совместное турне и объявив «Программу олимпиады рос. футуризма», С. и Маяковский выехали в кон. дек. 1913 в Крым, вместе с Бурлюком и В. Баяновым выступили с 7 по 13 янв. 1914 на вечерах в Симферополе, Севастополе, Керчи. Неприятие эпатажного поведения кубофутуристов, а также, видимо, личные расхождения привели в Керчи к ссоре между С. и Маяковским, окончившейся разрывом (см.: Маяковский В., Поззочечер С. — «Новь», 1914, 23 дек.). В «Поэзе избрления» С. писал: «Меня взорвало это „кубо“, / В которм все бездарно, сплошь. — / И я решительно и грубо / Ему свой стих точу, как нож». Вместе с тем в 1910-е гг. влияние С. на Маяковского было значительным (подробнее см.: Харджиев Н. И., Маяковский и С. — В его кн.: Статьи об авангарде, т. 2, М., 1997). Позднее в стих. «Владимиру Маяковскому» и ром. в стихах «Колокола собора чувств» эти события, как нередко бывало у С., представлены в осветленных временем картинах.

Грандиозный успех имели «поэзоконцерты» С. в моск. Политехнич. музее в марте и апр. 1914, янв. 1915 и др. (по подсчетам самого поэта, в 1913–18 в разл. городах России он выступил около 130 раз), предварявшиеся соучаственными рефератами «традиционалистов» В. Ф. Ходасевича, С. Я. Рубановича.

В опубликованной на основе такого реферата ст. «С. и футуризм» (РВед, 1914, 29 апр.) Ходасевич «отлучал» С. от футуризма, хотя и находил в его поэзии все «признаки совр. горожанина, немного мечтателя и немного скептика, немного эстета и немного попросту фланера»; у него «культура одиозноперена в машине, добродетель заменена филистерским приличием, а красота — фешенебельностью. Пошлаватая эlegant-

ность врывается в его поэзию, как шум улицы в раскрытое окно»; он также отмечал у С. абсолютное преобладание «обычной метрич. схемы» — в отличие от футуристов, требующих «уничтожения формального метра» (ср. его более поздний отзыв: Обманутые надежды — РВед, 1915, 18 сент.). Со сходных позиций приветствовал разл. книги С. и его поэзию вообще А. И. Тиняков (Лит. заметки — «День», 1915, 18 апр.; и др.).

В 1912–13 влияние С. распространяется за пределы футуристич. лагеря. Оно ощутимо в сб. В. Я. Брюсова «Стихи Нелли» (М., 1913; реакция самого С. в письме к Л. Д. Рындину от 7 авг. 1913 — см. в его кн.: Царственный паяц..., с. 103) и еще более — в его же неизданной кн.

И. Северянин. Шарж худ. Дени. 1914.

«Новые стихи Нелли» (опубл. А. В. Лавровым в кн.: Памятники культуры 1985, М., 1987), в стихах Н. Г. Львовой 1913 (она писала Б. А. Садовскому: «Стала футуристкой» — там же, с. 78). Видимо, с влиянием С. связана и творч. эволюция В. Г. Шершеневича.

С 1914 книги С. выходят регулярно: «Златолира» (М., 1914; 7-е изд., М., 1918; рец.: Гальников Д., Недоразумение в стихах. — СМ, 1914, № 6), «Ананасы в шампанском» (М., 1915; 4-е изд., М., 1918; рец.: Редько А. Е., Фазы С. — «Рус. зап.», 1915, № 5; Оршанин А.). Поэзия шампанского полонеза. — РМ, 1915, № 5; Ал. Ож. (Н. П. Ашешов) — СМ, 1916, № 4; А. Полянин «С. Я. Парнок» — СевЗ, 1915, № 2; Анчар (А. А. Измайлов) — БВед, 1915, 6 февр., вч. в.), «Victoria Regia» (М., 1915; 4-е изд., М., 1918); «Поззоантракт» (М., 1915; 3-е изд., П., 1918; рец.: В. Г. Шершеневич — «Свободный ж-л», 1915, № 11), «Тост безответный» (М., 1916; 2-е изд., М., 1918; рец.: Фортунатов Л., Куллетист на Парнасе. — ЖЖ, 1916, № 21). Это

время шумного успеха, «двусмысленной славы», по выражению поэта.

Попытка разносторонней и объективной оценки феномена С. была предпринята в кн. «Критика о творчестве С.» (М., 1916), объединившей ранее опублик. в печати статьи и рецензии, а также написанные специально для этого издания работы Брюсова, С. П. Боброва и проф. Р. Ф. Брандта (последний впервые с науч. позиций проанализировал языковые эксперименты С., введя для его неологизмов термин «новотворные прикладки»).

По восп. современников, С. «слыл рос. Оскаром Уайльдом ... и в самом деле по внешнему облику походил на знаменитого англ. эстета», выступал «в хорошо скроенном черном костюме с белой хризантемой в петлице» (Деич, с. 282, 284), «появлялся на сцене в длинном, узком в талии сюртуке цвета воронова крыла. Держался он прямо ... изредка встряхивая нависающими на лоб черными, подвитыми кудряшками ... Заложив руки за спину или скрестив их на груди около пышной орхидеи в петлице, он начинал мертвенным голосом, все более и более нарастая, в особой, только одному ему присущей каленции с замираниями, повышениями и резким обрывом стихотв. строки, разматывать клубок необычных, по-своему ярких, но очень часто и беззвучных словосочетаний. Через минуту он всецело овладевал настроженным вниманием публики» (вступ. ст. В. А. Рождественского в кн. С.: Стих., Л., 1978, с. 12). Др. современники вспоминала, как «после одного из концертов в Политехнич. ун-те, после восторж. приема, студенты и студентки вынесли его на руках» [С. И. Ставрокова (в замужестве Карузо) — Ежегодник РО ПД, 1992, с. 220; публ. Л. Н. Ивановой].

Менее благожелат. современники характеризовали личность и манеру поведения С. весьма жестко: «Теноровы фиоритурь и томные ариозо, переходящие в лакейский пафос смердяковских романсов, перед к-рыми не могло устоять ни одно сердце рос. модистки» (запись М. А. Волошиной, 1917 — в его кн.: Лики творчества, Л., 1988, с. 770). Комич. впечатление от одного из вечеров поэта осталось у Е. О. Волошиной («Мне никогда не приходилось видеть такого бурного восторга публики... От всего виденного, слышанного мне лично безудержно захотелось хулиганить...» — письмо к Ю. Л. Оболенской от 15 февр. 1915 — Всп, в. 5, с. 223) и у Б. М. Прилежаловой-Барской (о выступлении в «Бродячей собаке» — «Минувшее», в. 23, с. 393). В восп. о Брюсове З. Н. Гиппиус писала, подводя итог впечатлениям многих: «Брюсовская обзeya нарадилась в лице Игоря Северянина... Он не хулиганил ... он, напротив, жаждал „изыщества“, как всякий природенный коммивояжер. Но неслю от него, увь, стоеросовым захолустьем» (Гиппиус З. Н., Стихотворения. Живые лица, М., 1991, с. 271, 273).

В ряде мемуарных свидетельств зафиксировано поражающее знакомых С. несоответствие бытовой стороны жизни поэта и его «поэзы»: С. «жил на Средней Поляческой в одном из домов, пользовавшихся недельною славою... Из угла выплыла фигура С. Жестом шателена он пригласил нас сесть на огромный, ребрежащий всеми прыжками диван... Темнота, сырость, должно быть, от соседства с прачечной, и обилие сухих цветов вызвали представление о склепе. Нужна была поистине безудержная фантазия, чтобы живя в такой промоглой трущобе, воображать себя владельцем воздушных «озерзамков» и „шалаш“ (Лившиц Б. П., Подпольгазлай стрелец, Л., 1989, с. 455–56, см. также с. 452–55 и прим. на с. 669–72: ср. Иванов Г. Г., Петербургские зимы. — В его кн.: Собр. соч., т. 3, М., 1994, с. 26–31).

Однако практически каждая последующая книга С. пользовалась меньшим успехом, чем предыдущая. Отчасти это объяснялось включением в сб-ки множества ранних стихов; но и новые произв. С. вызывали отрицат. реакцию читателей и критиков. Особенно это относится к стихам, связанным с событиями I-й мировой войны, к-рые б.ч. вошли в раздел «Монументальные моменты» кн. «Victoria Regia». Рецензент досадовал на «жалко-патриотич. выкрики» и «вульгарные „противогерманские“ поэмы» (Н. Ливкин — «Млечный путь», 1915, № 5, с. 77).

В мемуарном очерке Л. И. Борисова «В казарме на нарах с С.» (в его кн.: За круглым столом прошлого. Л., 1971) содержится рассказ о том, что весной 1916 перед полным освобождением от воен. службы по «могучей протекции» С. провёл две недели в запасном полку (ср. также: ЛН, т. 92, кн. 3, с. 454).

В 1915–17 С. активно сотрудничает с др. поэтами, часто известными лишь по этим эпизодам. В 1916 он совершил длит. турне вместе с начинающим Г. А. Шенгели (познакомились в 1913 в Керчи), к-рый, помимо своих стихов, читал на концертах доклады о творчестве С. («Поэт вселенчества», «Женщина в поэзии С.»); весной поэты выступали в Москве, Харькове, Одессе, осенью — в Петрограде, Москве, Кутаисе, Тифлисе, Баку, Армавире, Екатеринодаре, Новороссийске, Таганроге, Харькове (письма С. к Шенгели — в его кн.: Стих. и поэмы. 1918–41, М., 1990, сост., послесл. и прим. Ю. Шумакова; мемуарный очерк Шенгели о С. — «Лица», в. 5, с. 381–85, публ. К. Ю. Постоутенко). Совм. с А. А. Масаиновым (ст. С. о нем — Соч., т. 5, с. 63–67) выпустил «альманахи 2-х» «Мимозы льна» (П., 1916) и «Острова очарований» (П., 1917); поэт и критик М. Калмыкова писала в сб. «Пьяные вишни»: «Его симбиоз с Алексеем Масаиновым непонятен» (Севастополь, 1920, с. 16). В сб. «Винтик. Альм. новых поэтов» (П., 1915) вместе с С. и Масаиновым печатались также А. А. Виноградов и А. Толмачёв, во втором выпуске (Тифлис, 1917) вместо Виноградова участвовал Шенгели; в сб. «4» (П., 1917) помещены произв. С., Шенгели, А. Прокопенко и Д. Помренинга; в кн. «Избр. поэмы для публичного чтения. Альм. „Поэзоконцерт“» (М., 1918) — С., М. Кларк, П. М. Ларионова, Л. В. Никулина, Е. Панаиотти, К. Халафова.

Как и многие другие писатели, С. первоначально восторженно встретил Февральскую революцию, приняв ее как свиде-

тельство возрождения страны и освобождения личности. В цикле стихов «Револьверы революции» (март — нояб. 1917, с включением нек-рых прежде «нецензурных» стих.; опубли. в сб. «Мир-рэлия», Б., 1922) он пытался не только воспевать рев. события, но и давать практич. указания новым руководителям гос-ва: «Блудите фронт, но вместе с тем / Немедленно в переговоры / Вступите с немцами...» («Баллада XV», апр. 1917). Однако с развитием событий, особенно после окт. 1917, его позиция становилась все более непримиримой. Если в «Поэзе последней надежды» (нояб. 1917) «стране, где „завтра“ хуже, чем „вчера“», он еще может противопоставить «глаза крылатой русской молодежи», то в стихах 1918, собранных в кн. «Верзна» (Юрьев, 1920) и «Соловей» (Б.—М., 1923; рец.: А. Б(а)хра) — «Дни», 1923, 18 марта), с презрением описывает А. Ф. Керенского («Самарский адвокат», «Александр IV»), пришествие «Грядущего Хама» («Газелла IX»), гибель столицы («Отходная Петрограду»), завершая отчаянным: «Сплошной кошмар. Сплошной туман» («Конечное ничто»).

В янв. 1918 вместе с тяжелобольной матерью, гражд. женой (1912–15) Ел. Як. Семёновой (Золотарёвой) и дочерью от нее Валерией (1913–78) С. перебирается из Петрограда в пос. Тойла в Эстляндии, где бывал и ранее, начиная с 1912. Кратковрем. проезд в Москву в февр.—марте 1918 ознаменовался избранием его «королем поэтов» (сводка отзывов — Катанян, с. 141–42; попытка реконструкции ситуации — Петров, с. 125–28) и поэзовечером в Политехнич. музее. В том же году был издан сб-к его «избр. поэм» «За струнной изгородью лиры» (М.; худ. Д. И. Митрохин).

С марта 1918 постоянно живет в Эстонии. Б. М. Погорелова (Рунт) вспоминала, как после оккупации Эстонии нем. войсками С. просил Брюсова похлопотать о въездной визе в Россию, а тот ничего не предпринял, ответив на ее «недоумевающий вопрос»: «Он лучше сделает, если постарается уехать в Париж или Нью-Йорк. Какие уж тут у нас „Ананасы в шампанском“» (в кн.: Восп. о серебряном веке, М., 1993, с. 39; среди писем С. к Брюсову такое не сохранилось). В 1918 появились первые пер. стих. С. на эст. яз. Он стал сотрудничать в тартуских, риж., варшав., берлин. рус. газетах, вышли его поэтик. сб-ки «Puhajõgi» (Юрьев, 1919), «Менестрель» (Б., 1921; обложка

оформлена К. Л. Богуславской; билб. рецензий — Алексеев, 154–55). Приняв в 1921 эст. гражданство, в стихах и офиц. беседах С. тем не менее подчеркивал, что он «не эмигрант и не беже-

И. Северянин. «За струнной изгородью лиры». Худ. Д. И. Митрохин.

нец» (стих. «Наболевшее», беседа с полпредом СССР в 1930 — «Вести дня», Т., 1939, 1 сент.; то же — «Огонек», 1987, № 43, с. 24), остро переживал свою оторванность от России (стих. «Моя Россия», «Запевка», «Без нас»).

В дек. 1921 С. женился на Фелиссе Мих. Круут (1902–57), дочери владельца дома в Тойле, где он жил. Это был его единств. офиц. брак. Родившегося в 1922 сына назвали Вакхом. Писавшая стихи и прозу на эст. и рус. яз. Круут (псевд. Ариадна Изумрудная) способствовала сближению С. с изв. эст. литераторами — Ф. Тугласом, Х. Виснапу, А. Алле, В. Адамсом, М. Ундер. Работая над переводами эст. поэзии, составившими кн. «Поэты Эстонии. Антология за сто лет (1803–1902)» (1922; издана — Тарту, 1928), С. пользовался подстрочниками Круут. Она сопровождала его в поэтик. поездках. Жизнь в пост. близости с природой вдохновила С. на «утопич. эпопею» «Солнечный дикарь» (1924; впервые опубли.: «Уч. зап. ТГУ», в. 184, 1964).

В 20-е гг. С. написал серию стихотв. лирич. мемуаров — ром. «Падучая стремнина» (Б., 1922; илл. В. П. Белкина), «Колокола собора чувств» (Юрьев, 1925), в к-рых дал свои версии начала лит. пути, «олимпиады футуризма», кубофутуристич. турне по России; в «романе в строфах» «Рояль Леандра» (газ. «За свободу», 1926; отд. изд. — Бухарест, 1935) он пытался, следуя пуш-

кин. традиции и обратившись к фабульной основе «Евгения Онегина», представить широкую картину рос. худож. жизни нач. века (о полемич. отклике на этот роман в «Университетской поэме» В. В. Набокова см.: Кац Б., «Уж если настраивать лиру на пушkinский лад...» — НЛО, 1996, № 17).

В творчестве С. происходят перемены: оно все более тяготеет к классич. ясности, к выражению глубоких и простых чело-веч. чувств. Вместе с тем, стараясь избегать критиковавшейся «безвкусицы», С. теряет и естественную для него внутр. энергичность стиха. Лучшие его книги эмигрант. периода — «Классические розы. Стихи 1922–1930» (Белград, 1931; рец.: П. М. Пильский — «Сегодня», 1931, 15 сент.), где судьба России и оказавшегося за ее пределами поэта осмысливается через такие ключевые понятия, как родина, творчество, вера, любовь, природа, культура, и «Медальоны» (Белград, 1934; рец.: Г. В. Адамович — ПН, 1934, 29 марта) — сто расположенных в алфавитном порядке сонетов — портретов рус. и зарубежных писателей и композиторов («друзей» и «врагов»), ярко окрашенных субъективным авт. восприятием.

Стихи С. в 20–30-е гг. публиковались в газ. «Последние изв.» (Ревель), «Голос России» и «Время» (Б.), «Сегодня» (Рига), «Эхо» (Каунас), «Нов. рус. слово» (Н.-Й.) и др. Хотя за заслуги в области переводов и пропаганды эст. лит-ры он в 1926–31 и 1937–40 получал субсидии из Гос. фонда Эстонии, его материальное положение постоянно было стесненным.

С. вел переписку с поэтами, музыкантами, художниками, издателями, жившими в разных странах. Среди его корреспондентов — К. Д. Балмонт, А. М. Ремизов, Коллонтай. Во мн. письмах С. просил поддержать его материально или содействовать в публикациях. Н. К. Рерих в письме от 27 июля 1938 в ответ на жалобы поэта писал: «М. б., Вам иногда кажется, что у Вас нет читателей. Но даже в горной глуши нам постоянно приходится слышать прекрасные упоминания Вашего имени ... Ведь Вы написали Ваши образы и созвучиями многие страны» («Наш современник», 1964, № 5, с. 106). Среди почитателей С. были С. В. Рахманинов (он лично и Рахманиновский фонд оказывали поэту финансовую помощь — см.: РГАЛИ, оп. 2, № 20), С. С. Прокофьев, восторженный инструментальной поэмы «Квадрат квадратов», О. Д. Строк, М. Якобсон, А. Н. Вертинский, писавшие музыку на его стихи. На протяжении мн. лет безвозмездную помощь С. оказывала А. Д. Баранова (см.: Северянин И., Письма к Августе Барановой. 1916–1938. Стокгольм, 1988, подг. текста и комм. Б. Янгфельда, Р. Крууса).

С весны 1920 начались поэтич. выступления С., первое в Тарту, в янв. 1921 — в Латвии и Лит-

ве, затем в Германии (в 1922 в Берлине С. встречался с Маяковским), Финляндии, Польше, Чехословакии, Болгарии, Румынии, Королевстве Сербии, Хорватии и Словении (окт. 1930 — март 1931; впечатлениями от страны навеяны стихи сб. «Адриатика», Нарва, 1932) (перечень — Соч., т. 4, с. 577–79). Особенно большое резонанс имели два его выступления в Париже в февр. 1931.

Тэффи так описала впечатление от первого париж. вечера: «Публика пришла послушать вычурные поэмы о ликерах, шелках и принцессах ... и первые строфы новых стихов как-то удивились... Потом перестали удивляться... В антракте говорили: „А ведь он гораздо лучше прежнего!“ — „Потому что он прост“ — „Потому что он нежен“ — „Потому что он глубокий“ (О поэте — «Возрождение», 1931, 24 февр.). Дон Аминадо накануне второго вечера С. в стих. «Подражание Игорю Северянину», перефразируя изв. цитату, подчеркивал общность эмигрант. судьбы — «горьки ананасы изгнания» (ПН, 1931, 26 февр.). В неоправд. письме к С. после его концерта 27 февр. М. И. Цветаева писала: «Вы выросли, вы стали простыми. Вы стали поэтом больших линий и больших вещей. Вы открыли то, что отродясь Вам было приоткрыто — природу...»; в том же письме Цветаева описывает, как С. исполнил по просьбе слушателей старые стихи в данной манере: «Заброс головы, полузакрытые глаза, дуга усмешки и — напев, тот самый... Хотели? Нате! — в уже встающий — уже стоящий — разом вставший — зал» (Цветаева М. И., Собр. соч., т. 7, М., 1995, с. 422; подробное об этих вечерах см.: Лубяникова Е., Мнухин Л., «Моя двусмысленная слава...» С. в Париже. — ЛО, 1988, № 4).

В 1935 С. расстался с Круут (официально брак не был расторгнут) и со своей гражд. женой Верой Бор. Коренди (эстонизированная фам.; по мужу Коренева; урожд. Запольская; 1903–90; ее восп. о С. — РГАЛИ, оп. 2, № 20) переехал сначала в Таллин, затем в д. Саркуль, позже — в Усть-Нарву и Пайде. К кон. 30-х гг. он почти перестал писать стихи; причина объясняется в иронико-грагич. интервью «Игорь Северянин беседует с Игорем Лотаревым о своем 35-летнем юбилее» (1940): «Издателей на настоящие стихи теперь нет. Нет на них и читателя» (Соч., т. 5, с. 161–62). Подготовленные им поэтич. сб. «Настройка лиры», «Литавры солнца», «Очаровательные разочарования» не были изданы при жизни.

В течение мн. лет С. занимался переводами — не только эст. поэтов, но и А. Мицкевича, Ю. Словацкого, С. Нерис. Х. Ботева, П. Славейкова, Ш. Бодлера, П. Верлена, Сюлли-Прюдюма, Д. фон Лилиенкрона, М. Эмиснеску. Из его прозаич. произв. наиболее интересны написанные в разные годы мемуарные очерки о Фофанове, Сологубе, Брюсове, Игнатьеве, о начале творч. пути и жизни в Эстонии — «Уснувшие весны. Критика. Мемуа-

ры. Скитания» (частично в заруб. периодике 1920–30-х гг.; полн.: Соч., т. 5).

Оккупацию Эстонии Сов. Союзом в 1940 С. приветствовал; вел переговоры об издании книги избр. произв., получал заказы на переводы. В нач. войны посылал в сов. гос. инстанции (в т. ч. М. И. Калинин) оставшиеся без ответа просьбы об эвакуации в сов. тыл. После захвата Эстонии немцами жил в Таллине. Умер от нарушения сердечной деятельности. Свой архив завещал Коренди, передавшей его в ЦГАЛИ (ныне РГАЛИ; об истории архива — Всп, в. 5, с. 394–96).

Изд.: Собр. поэт., т. 1–4, 6, М., 1916; 2-е изд., М., 1918; Соч., т. 1–5, СПб., 1995–96 (подг. текста, вступ. ст. и комм. В. А. Кошелева и В. А. Сапогова); Стих., М., 1988 (сост., вступ. ст., прим. В. Кошелева); Соч., т., 1990 (предисл. С. Исакова, комм. Р. Крууса); Тост безответный. Стих. Поэмы. Проза, М., 1999 (предисл., комм. Е. Филькиной); Громкокипящий кубок. Ананасы в шампанском. Соловей. Классические розы, М., 2004 (подг. изд. В. Н. Терехиной, Н. И. Шубников-Гусевой); Царственный пацан. Автобиограф. мат-лы Письма. Критика, СПб., 2005 (сост., вступ. ст., комм. В. Н. Терехиной, Н. И. Шубников-Гусевой; включает сб-к «Критика о творчестве С.», а также др. прижизн. критич. отзывы); [2 письма Б. И. Николаевскому]. — В кн.: Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О., Рус. Берлин. Париж, 1983; 2-е изд., М., 2003; Письма к С. И. Карузо (1931–40). — Ежегодник РО ПД, 1992 (публ. Л. Н. Ивановой); [Письма редакторам газ. «Сегодня»]. — В кн.: Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б., Рус. печать в Риге. Из истории газ. «Сегодня» 1930-х гг. Кн. 1. Стэнфорд, 1997, с. 366–68; кн. 2. с. 260–63; кн. 3. с. 442–43; Письма С. 1932–35 к И. Борман (Из архива Р. Крууса). — «Труды по рус. и слав. филологии. Лит.-ведение. Нов. серия», в. 4, Тарту, 2001 (вступ. ст. и публ. Г. Пономаревой, комм. С. Исакова).

Лит.: Гумилев, Горький; Ходасевич (все — ук.); Брюсов (2); Маяковский В. В., ПСС, т. 1, М., 1955, с. 338–339; Мандельштам О. Э., Собр. соч., т. 1, М., 1993, с. 181–82; Львов-Рогачевский В. Л., И. Северянин. — В его кн.: Новейшая рус. лит-ра, М., 1919; Чукowski К., Футуристы, П., 1922, с. 3–26; Ховин В. Р., Игорь Северянин (Немного воспоминаний, немного характеристик). — «Наш огонек», Рига, 1925, № 15; Спаский С., Маяковский и его спутники, Л., 1940, с. 104–07; Шумаков Ю., Из восп. о С. — «Звезда», 1965, № 3; его же, Поэт на эстраде. О выступлениях С. — «Нева», 1989, № 12; его же, С. в девичьем монастыре. — «Ревель», 1991, № 1; его же, Простать бы мне к родному берегу... С. и его окружение в Эстонии, Т., 1992; Адамс В. С. в Эстонии. — В сб.: Рус.-европ. лит. связи, М.—Л., 1966; Петросов К. Г., Молодой Маяковский в лит. борьбе (Из истории взаимоотношений и творч. полемики с С.). — В кн.: Рус. лит-ра XX в. (Доокт. период), Калуга, 1968; его же, С. и старшие символисты. — В сб.: Лит. мелочи прошлого тысячелетия. К 80-летию Г. В. Краснова, Коломна, 2000; Форманков А., Встречи с С. — «Звезда», 1969, № 3; Анчугова Т., Брюсов и С. (К истории лит. взаимоотношений) — Брюсовский сб., Ставрополь, 1977; Йорданов Х., С. и Болгария. — В сб.: Рус.-болг. фольк. и лит. связи, т. 2, Л., 1977; Катанян В. А., Маяковский. Хроника жизни и деятельности, М., 1985 (ук.); Дейч А. И., День нынешний и день минувший, Л., 1985, с. 280–86; Круус Р., «Дачное» в творч. биографии С. — В сб.: Лит. процесс и развитие рус. культуры XVIII–XX вв., Т.

1985; его же. Новые данные о жизни и творчестве С. — «Уч. зап. ТГУ», в. 686, 1986; Венок поэту. Т., 1987; Урбан А., Добрый ироник. — «Звезда», 1987, № 5; О Игоре Северьянине. Череповец, 1987 (тезисы доклада); Исаков С. Г., С. в Эстонии. — «Таллин», 1987, № 3; его же, Игорь Северянин 1918—1921: Жизнь. Миропосприятие. Лит. позиция. Изменения в творч. манере. — *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia* Проблемы истории рус. лит-ры нач. 20 в., Хельсинки, 1989; Плеханов В. В., Валентине Берниковой — Игорь Северянин. — «Таллин», 1988, № 1; Куприяновский П. В., Коптелова Н. Г., Блок и С. — Блоковский сб., в. 10, Тарту, 1990; Кошелев В. А., Игорь Северянин: Стихи 1918. — В сб.: Рус. поэзия: год 1918, Даугавпилс, 1992; Тэффи. Мои современники: Игорь Северянин. — «Слово», 1992, № 6; Шамардина С., Футуристы. юность. — В сб.: Имя этой теме: любовь! Современники о Маяковском (сост., вступ. ст., комм. В. В. Катаняна), М., 1993; Крусанов А. В., Дороги и тропы рус. лит. авангарда: эго-футуризм (1911—1922). — «Рус. разъем», 1993, № 1; Виноградова В. Н., Игорь Северянин. — В кн.: Очерки истории языка рус. поэзии 20 в. Опыт описания идиостилией, М., 1995; Струве Г. П., Рус. лит-ра в изгнании. Париж—М., 1996 (ук.); Олимов К., Возникновение эгопоэзии вселенского футуризма. — «Минувшее», в. 22; Шаповалов М. А., Король поэтов: Игорь Северянин. Страницы жизни и творчества, М., 1997; Харджиев Н. И., Статьи об авангарде, т. 2, М., 1997 (ук.); Шенгели Г., Иноходец..., М., 1997 (подг. текста, сост., вступ. очерк и комм. В. Г. Перельмутера, ук.); Павлович Н., Из восп. поэтессы. — «Человек», 1997, № 1; Спроге Л., С в альбомах Т. Ратгауз. — «Балт. архив», т. 3, Т., 1997; Горюданский Л., Стихи, написанные в Тойле. — РМ, 1997, № 4177; его же, Северянинская Лаура. — Там же, № 4193; его же, О бессмертии своем не забочусь, Ганновер, 1999; Одоевцева И., На берегах Сены. — В ее кн.: Избранное, М., 1998, с. 574—91; Рус. футуризм. Теория. Практика, Критика. Восп., СПб., 1999 (сост. В. Н. Терехиной, А. П. Зименкова); Богомолов Н. А., Рус. лит-ра первой трети XX в., Томск, 1999, с. 406—30 и по ук.; Гулова И. А., А. С. Пушкин и С. — В сб.: Пушкин и поэтик, из. XX в., М., 2000; Петров М., Дон-Жуанский список С.: История о любви и смерти поэта, Т., 2002; Leuwers L., Igor-Severjanin: His Life and Work. The Formal Aspects of His Poetry, Leuven, 1993; Wukoupril S., Die romantischen Gedichtarten Igor Severjanin: zwischen Tradition und Innovation, Wiesbaden, 1997; ЛН, т. 85, 92, 98 (ук.). ♦ Абызов Ю., Рус. печатное слово в Латвии: 1917—1944, ч. 4, Стэнфорд, 1991; Фигурнова О., С. в Эстонии [библ.]. — «De Visu», 1993, № 2; Исаков С. Г., С. в Эстонии: Мат-лы к библ. — Там же, № 9; Рус. печать в Эстонии: Биобибл. и справочные мат-лы к изучению культурной жизни рус. эмиграции (сост. О. Фигурнова), М., 1998; Гусман; Алексеев; Лит. жизнь 1910-х гг.: КЛЭ; БСЭ; ЛЭ рус. зарубежья, т. 1; Рус. писатели XX в. Биобибл. словарь, ч. 2, М., 1998; Альм. и сб-ки (2, 3); Муратов (2, 3); Масанов; Псевд. из словаря «После Масанова» — КО, 1998, № 12.

Архивы: РГАЛИ, ф. 1152; Лит. музей им. Ф. Р. Крейцвальда (Тарту), ф. 216; РГБ, ф. 190 (фонд изд-ва «Мускетер»); ИРЛИ, ф. 377. Н. А. Богомолов, К. Г. Петросов.

СЕВСКИЙ Виктор [наст. имя и фам. Вениамин Алексеевич Краснушкин; 10(22).8.1890, станица Филоновская обл. Войска Донского — янв.(?) 1920, Ростов-на-Дону], прозаик, журналист. Отец С., Ал. Вас. Краснушкин, занимающая должность «судьи по выборам», был возведен в личное дворянство. Вскоре после рождения С. семья переехала на родину матери Над. Ал-др. (урожд.

Кунаковой), в станицу Константиновскую, адм. центр 1-го Донского округа. Обучался в Новочеркасской г-зии, к-рую был вынужден оставить ввиду хронич. неуспеваемости по математике. Перешел в реальное уч-ще Папкова (Ростов-на-Дону), к-рое (видимо, по той же причине) также не смог окончить. Уже в г-зии С. выделялся своими лит. способностями (в это время им был избран псевд. Севский). Рано вступил в брак с Верой Ал-др. Севрюговой, что привело к разрыву с отцом, возмущенным женитьбой сына не на дворянке. Лишенный материальной поддержки семьи, С. занялся газетной журналистикой. Первая зафиксированная публ. — заметка «**Причина слез**» — появилась 13 нояб. 1910 в ростов. газ. «Юж. телеграф», где до конца года С. опубликовал еще три статьи. В 1911 он стал пост. сотр. «Ростов. копейки» и сменившей ее газ. «Донское утро», с янв. по нояб. опубликовал более 150 заметок, фельетонов и рассказов (под псевд. Виктор Севский, Бэн-Жамэн), и, по нек-рым сведениям (Ленинов), вскоре возглавил лит. отд. газеты. С янв. по март здесь печался ром.-фельетон «**Кровавая слава**», повествующий о злодеях и роковых семейных тайнах (в заключит. главе — «*Finita la comedia*» — авт. ирония в адрес жанра). По-видимому, в кон. 1911 — нач. 1912 С. находится в Петербурге, где выходит его первая кн. «**Провинциальные картинки: Из жизни города Глушинска**» (1912; 1-я ред. опубл.: ростов. ж-л «Грезы», 1911, окт., № 1—2) — своеобразная вариация на тему «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина («Мои „Провинциальные картинки“ — картинки из жизни города Глушинска, где царит пошлость, навешая толстым слоем на все... Город Глушинск и его обитатели — все это нечто собирательное, вроде провинциальной мозаики» — авт. предисл.). Возможно, С. принадлежат опубликованные с дек. 1911 по февр. 1912 в «Юж. телеграфе» заметки петерб. корреспондента за подписью В. К., информирующие о жизни столичного донского землячества.

С мая 1912 начинается сотрудничество С., вскоре ставшее регулярным, в крупнейшей ростов. газете — либеральном «Призовском крае». Здесь он продолжает начатую в «Ростов. копейке» серию лит.-биогр. очерков (о С. Я. Налсоне, А. А. Фете, П. И. Мельникове-Печерском, Л. Н. Тол-

стом, Н. А. Некрасове, И. А. Бунине и др.), приуроченных к писательским юбилеям.

Изданка (чаще в рождественских и пасхальных выпусках газет) С. публикует и рассказы, однако осн. корпус его текстов составляют фельетоны, написанные в стилистике В. М. Дорошевича (А. В. Амфитеатров позднее назвал С. «прямым преемником В. Дорошевича» — «Петрогр. голос», 1918, 20 марта), и очерки на темы жизни Донского края и Ростова. В ст. «**Казачья литература**» («Призов. край», 1913, 12 июня) С. резко негативно оценивает творчество казаков-писателей и заключает: «И обидно за край такой самобытный, с такой историей, и с такой бедной литературой или точнее — вовсе без нее. Степь не вдохновила поэтов, Дон не навевал песен, а край без литературы и даже без народного эпоса — немой край».

В апр. 1914 С. обращается к редактору провинц. («русского») отдела столичной газ. «Речь» А. С. Изгоеву, предлагая сотрудничество (С. в это время возглавляет провинц. отд. «Призов. края»). Предложение было принято, однако «Речь» отказывается публиковать что-либо выходящее за пределы репортажа и отклоняет все написанные С. очерки. С началом 1-й мировой войны в авг. 1914 С. был призван в армию (вольноопределяющимся в казачьи части), однако в сент. того же года по состоянию здоровья (туберкулез и порок сердца) демобилизован. Возвратившись в Ростов, С. возобновляет работу в «Призов. крае», однако практически все его публикации исчерпываются краткими рецензиями на спектакли ростов. театров. В окт. 1914 владельцы «Призов. края» увольняют С., и он обращается за защитой в Ростов. союз журналистов, руководство к-рого не проявляет, однако, единодушия в отношении его дела («Призов. край», 1914, 10 дек.; «Утро Юга», 1914, 10 дек.). С нояб. 1914 начинается сотрудничество С. с гл. конкурентом «Призов. края» — газ. «Утро Юга», где до закрытия газеты в сент. 1915 (согласно Положениям о воен. и о чрезвычайной цензуре — «за вредное направление») С. опубл. более 150 мат-лов, став фактически ведущим автором. Последним обстоятельством объясняется, видимо, согласие «Призов. края» снова принять С. в штат редакции. В 1916 он возобновляет сотрудничество с газ. «Речь», однако, как и прежде, очерки С. га-